

Русские и французы: Знаменитые сатиры

Над кем же смеялись гении?

Июнь 2014 года

Анатолий Франс и Салтыков-Щедрин смеются ОТКРЫТО.

Когда-то в юности я был в восторге от "Острова Пингвинов" Анатолия Франса. Никогда француз не смеялся так заразительно над всей историей Франции, в частности над величием обожаемого во Франции Наполеона. И французам-тем, которые были 100 лет назад- это не нравилось.

Много лет спустя я стал немало проводить времени за границей включая Францию. Эта страна и ее народ мне сильно нравились. Я бы принял оффер в 1991 году и остался работать во Франции, если бы знал ее язык. Чтобы жить во Франции надо очень хорошо знать ее язык, надо уважать страну и культуру. Но я был уже на грани старости, да и никогда не имел особых способностей к языкам. Времени учить французский язык, ведя одновременно научную работу, у меня не оставалось.

Я с удивлением обнаружил, что французские интеллигенты, хорошо знающие литературу и Анатолия Франса, никогда не слышали об этом произведении-Острове Пингвинов, очень интересовались. Весь 20 век его окружал во Франции заговор молчания. Французам казалось неприличным смеяться над историей Франции, над величием Наполеона. Не знаю, сохраняется ли это сейчая-многое изменилось.

Мой друг Соломон Альбер в 1970х говорил мне: нелепые школьные учебники тебе испортили впечатление от великих русских писателей. Он восхищался Салтыковым-Щедриним. Замечательный образ Иудушки Головлева, его склонность к наслаждению страданиями людей, он сопоставлял с нашими математическими начальниками в Стекловке и Академии того времени. Мы с ним оба считали гениальной сатирой Салтыкова-Щедрина на историю России- "Историю города Глупова" (или "Одного Города"?) Я согласен с Соломоном, что этого гения у нас ценят недостаточно. Очень советую Вам его почитать и подумать над этим. Только люди русской культуры могут понять и оценить это.

Но так или иначе—это открытые сатиры. Каждый видит, на что именно указывает автор. Не открытые, а закрытые сатиры мне хочется обсудить. Вероятно, не все согласятся, что великие авторы (ниже) имели в виду именно то, что я об этом скажу ниже. Подобные точки зрения и раньше поддерживались немногими. Как сказал моему другу в частной беседе выдающийся историк Дьяконов, в сообществе историков недостаточно практикуется простой здравый смысл. Впрочем, таким недостатком грешат и многие математики.

Начнем с Альфонса Доде.

Уже много лет прошло с тех пор, как я прочел замечательное произведение—”Тартарен из Тараскона” и затем его продолжение ”Тартарен в Альпах”. Покойный отец рассказывал мне, как Доде остановился потом в Тарасконе, и толпа хотела его растерзать за издевательство над ними.

Над кем же он издевался на самом деле?

Во-первых, это произведение было впервые опубликовано в газетах за конец 1869 года—начало 1970 года, публикация завершилась в марте. Тартарен, видящий в себе аналоги с Великим Наполеоном Первым—это несомненно Наполеон Третий. За 3 месяца до Франко-Прусской войны этот текст выглядит как предупреждение. Видимо, Доде понимал, что мощь Франции Наполеона Третьего— это фансагория, пустой пузырь тартареновского типа в сравнении с Пруссией. И это оказалось верным: 19 июля Франция объявила войну, и к началу сентября Наполеон Третий был уже в прусском плену.

Я читал мемуары Бисмарка много лет назад. Он пишет, что вся Пруссия включая короля, боялось войны. Но ему шепнул старый друг, граф Мольтке, командующий, что показная мощь Франции ничего не стоит. И он, Бисмарк, устроил известную провокацию с Эмской Делегацией, в результате которой Франция объявила войну.

Однако, через несколько лет интерес к Наполеону Третьему потерял актуальность. Доде написал продолжение ”Тартарен в Альпах”. Это указывает на взаимоотношение образа Тартарена с Наполеоном Первым. Именно эта идея стала выдвигаться на первое место, хотя поначалу она была в тени. Сам текст Тартарена из Тараскона, как мне кажется, скрыто подразумевал это с самого начала. Посмотрим на него внимательней, но сначала немного истории.

Не так давно я прочел блестящее американское историческое сочинение об истории египетского похода Наполеона—полностью правдивое и непредвзятое. Особый интерес представляет поход на Акру. Это—уменьшенный прототип провального московского похода 1812 года. Наполеон вообразил себя Александром Великим. Подобно Александру, он решил уничтожить Великую Восточную Империю— в данном случае турецкую. Как пишут авторы, мир увидел невероятное: даже смертельные враги, как Россия и Турция, объединились, и русский флот проплыл мимо Стамбула в Средиземное море воевать с Францией. Однако, имело место упорное сопротивление под Акрой, организованное англичанами (с участием французского военного инженера-аристократа). Оно привело к отступлению по пустыне, похожему на бегство, расстреливая бросаемых ослабевших французов. После этого Наполеон тайно драпанул обратно во Францию с риском быть пойманным в море англичанами. Он отавил вместо себя генерала Клебера без его согласия, отослав его на момент бегства—для верности, чтобы не было протестов. Клебер сказал, что ”у него (Наполеона) штаны полны дерьма, и вскоре в Париже ему эти штаны оденут на голову.” Но Клебер ошибался. Он сам одержал победу, но был вскоре убит суицидальным исламским убийцей. Наполеон же захватил власть в Париже и представил свои гигантские победы в Египте под звон французских фанфар, не затухавших 2 века.

Так кого же имел в виду Доде?

Тартарен выезжает в Африку под тарасконские фанфары охотиться на львов. Его приключения смешны. Один раз он пристрелил слепого льва у мечети и отправил шкуру в Тараскон. Потом, вернувшись в Тараскон, униженный и осмеянный, он был встречен восторженной толпой—и полились рассказы о подвигах под теплым и возбуждающим тарасконским солнцем. Добавим к этому, что в следующем произведении ”Тартарен в Альпах” наш герой пересекает Альпы, смеясь над опасностью, так как он думает по африканскому опыту, что вся опасность—это такая же туристическая бутафория, как и охота на львов в Африке. Как известно, Наполеон рискованно и смело пошел в Италию через Альпы после захвата власти. Он уже был разбит австрийцами под Маренго, но чудо с приходом Дезе его спасло.

Как мне кажется, Доде смеялся над Наполеоном Первым, а не только над Наполеоном Третьим, но боялся французов еще больше, чем тарасконцев. Он зашифровал свое видение Напо-

леона Первого, который и сейчас обожествлен французами. Наполеон Третий не ходил через Альпы. После 70 года над ним все смеялись, так что уже вторая книга о Тартарене ясно говорит о Наполеоне Первом.

Как утверждают, Доде в наиболее поздней третьей книге о Тартарене уже более открыто указывал на Наполеона Первого. При этом думают, что это—новое в видении Доде. Дескать, раньше он имел в виду только Наполеона Третьего. Это ошибка. Тартарен как Наполеон Третий, конечно, был объектом важного предупреждения перед войной 1870 года, это было ведущим в тот исторический момент., Но сам текст Тартарена из Тараскона, его приключения в Африке, относились на самом деле к пародии на Наполеона Первого. Но через Альпы Наполеон Третий не совершал тяжелых походов, как мы уже указали.

Сделаю такое замечание об этом третьем произведении о Тартарене. Доде решил перед смертью еще больше приоткрыть, как мне кажется, образ Наполеона Первого в Тартарене, чтобы не было никаких сомнений. Слишком уж французы обожают яркий образ Наполеона Первого, игнорируя его авантюризм, провалы и даже очевидные последствия его деятельности—как дорого он обошелся Франции. Ты пишешь, а они делают вид, что не понимают! ”Что? не слышу без очков”—изображал западных политиков Маяковский в своих сатирах.

Сатиры Корнея Чуковского: Крокодил и Тараканище.

Крокодил. Много лет назад в детстве я слышал от отца, что у Корнея Чуковского была пародия на революцию 1905 года в форме увлекательного детского произведения под названием ”Крокодил”. Он выступал в роли монархиста тогда, после той революции, даже сменил позднее имя с Николая Корнейчукова на Корнея Чуковского— возможно, чтобы его дореволюционный имидж был забыт. При советской власти это произведение долго не издавалось. Оно не издавалось до конца хрущевского периода. Потом умерли все, кто помнил хорошо эти революции, и при Брежневе оно стало издаваться. При этом читатели даже не видели, о чем идет речь. Родители не говорили детям, что здесь имеется в виду, да и сами этого не знали—никто им не говорил, а сами не видели. К этому времени всем стало наплевать на революцию 1905 года, над ней уже неинтересно было даже смеяться. Ни один конкретный большевистский

святой из святца, признанного в послевоенный период, не осмеивался в этом произведении. В годы моей юности, однако, эту революцию еще хорошо помнили, ветераны были еще живы в 1950х годах– в 70-летнем возрасте. Был даже анекдот о попытках Хрущева привлечь иностранцев в конце 50х: сделали большевики бордель для иностранцев в Москве, а они не идут. Большевики удивляются–что же они не идут, мы туда лучшие кадры собрали, все участницы революции 5го года.

Совсем другая ситуация имела место с произведением Чуковского **”Тараканище”**. Она заслуживает подробного анализа.

Прочтите это произведение непредвзятым глазом человека 1950х годов, особенно после хрущевских разоблачений, и Вы увидите издевательскую карикатуру на Сталина

(“...Вдруг из подворотни страшный великан–рыжий и усатый таракан...Вот и стал таракан победителем, и лесов и полей повелителем... Принесите ка мне звери ваших детушек, я сегодня их за ужинком скушаю...”.)

Это произведение вышло в свет как раз, когда Сталин стал главным, как считали тогда–над теми, кто был лучше него, но еще не заработал ту сверхстрашную репутацию, как позднее.

Чуковский несомненно вскоре испугался возможного последствия своего произведения. Он распространил версию, что Тараканище был написан еще весной 1921 года, хотя опубликован позже. Тогда власти Сталина еще не было– и следовательно, ни о каком Сталине здесь речи идти не может. Именно так придумывают себе алиби в криминальных романах. Но он сильно боялся весь период до смерти Сталина.

Мой старший друг хороший математик Владимир Абрамович Рохлин (1919 года рождения) незадолго до смерти, в начале 1980х рассказал мне следующее: Он–родной племянник Чуковского. Его мать–законная дочь богатого одесского еврея Левинсона, получила мед образование во Франции. Она была начальницей санэпидемстанции в Баку и закрыла сточную канаву в старом городе. За это ее убили из мести в 1923 году. Его отец–какой-то небольшевистский революционер, расстрелянный в 1930х.

Чуковский–незаконный сын Левинсона, которого тот произвел на свет будучи еще студентом, от горничной, девицы Корнейчук. С помощью денег и полиции ему сделали полностью православные документы на имя Николая Корнейчукова, никаких евреев не поминалось нигде. Позднее он взял псевдоним Корней Чуковский.

Рохлин приехал в Москву поступать в Университет в 16 лет. Отец

был расстрелян, родственников кроме Чуковского не было. Он обращался за помощью к Чуковскому. Но тот безумно всего боялся тогда, и даже отказался встретиться. Несомненно, он боялся Сталина в связи с Тараканищем. Кроме того, муж его дочери Лидии физик Бронштейн (из компании Ландау и Фока) был расстрелян за что-то вроде распространения антисталинской пропаганды в 30х годах¹. Чуковский—не трус. После смерти Сталина он перестал бояться, проявлял смелость в литературном мире. Когда Рохлин стал известным математиком в 1950х, Чуковский искал встречи с ним, но Рохлин отказался, помня отказ 30х годов. Он был горд. (кстати, в Википедии со ссылкой на меня есть неточность в связи с этой темой). Чуковский почти всю жизнь скрывал еврейское происхождение, никогда не называл отца, хотя образование он получил на деньги Левинсона. Мне сказали, правда, что где-то он глухо это помянул в конце. Мой коллега—физик Миша Маринов—общался с Лидией Чуковской, когда сидел в отказе. Я рассказал при нем в 1980х годах историю Рохлина и Левинсона. Миша сказал, что слышал об этом от Лидии. Однако, в книге Лидия эту информацию не открывает: среди детских воспоминаний она вспоминает о приходе его отца, но никак его не называет, хотя и знает, кто он.—Видимо, таково было завещание ее отца.

Сталин же, если и понимал, то понимал и то, что разделившись с Чуковским, он уж точно сделает себя Тараканищем—снять с себя этот образ будет невозможно. Всем станет ясно, что писалось о нем. И он этого не сделал. Никто другой и подумать—тем более сказать—не осмелился даже в мыслях. Так оно и прошло мимо незамеченным. Представляю, какое облегчение испытал Чуковский, когда Сталин наконец-то умер.

¹Я не знаю точно, какими были его грехи. Эти молодые физики любили тогда изображать из себя слегка троцкистов, как мне рассказали ученики Ландау. Возможно и то, что Сталин избрал Бронштейна, чтобы мстить семье Чуковского за Тараканище. Других арестовали, но потом простили по просьбе Капицы. Возможно, Бронштейн заходил дальше других.